

Представляется, что творческий дар Андрея Бодрова вполне закономерно органично и полно реализовал себя именно в искусстве графики. Индивидуальность мастера свободно и естественно раскрывает себя в умении обыграть эстетический потенциал белизны листа, в том артистизме, с которым наносятся отточенные пересекающиеся штрихи и линии – легкие, хрупкие или напряженные, энергичные, создающие запоминающиеся пластические акценты. Именно через выразительный язык графики мы вместе с автором получаем возможность прикоснуться к тому, что можно назвать скрытой логикой мироздания. Прекрасное знание выразительных возможностей офорта (сухой иглы), акватинты, монотипии, пастели позволяет художнику уверенно справляться с любой образной задачей, которую он ставит перед собой. А присущее Бодрову умение «режиссировать» композиционно-пространственный строй произведения, находить необходимую меру законченности способствует раскрытию различных эмоциональных граней образа. Не случайно в камерном мотиве порой проступает эпическое величие, а монументальный характер отдельных листов не лишён тонких нюансов, того скрытого трепетного движения, которое пронизывает впечатляющую панораму нерукотворного природного ландшафта или виды Петербурга и других городов России, Италии и Испании, где художнику довелось побывать.

Выставка позволяет увидеть «общее и особенное», присущее произведениям, обращенным к достаточно широкому кругу жанров и мотивов. С другой стороны, каждая из работ, будь то пейзаж, натюрморт, изображение обнаженной женской натуры или интерьера мастерской воспринимается как особый мир, «пространство тишины», отрешенное от суеты современной жизни, но даже при наличии ее узнаваемых примет хранящее самодостаточность, созерцательную отстраненность от всего несущественного, сиюминутного. Однако сосредоточенное созерцание этой красоты, к которому художник приглашает зрителя, заключает в себе необходимость размышления, эстетической оценки. Безусловно, язык графики предполагает момент активности зрителя, его способности домысливать, дополнять в своем воображении образ, намеченный художником в формах обобщенных или более близких натурному источнику. В произведениях Бодрова мера условности может быть разной – от тактично введенных цветовых и пластических обобщений в пейзажах, исполненных в технике пастели, до многочисленных вариаций «ню», где силуэт фигуры обозначен широкими росчерками или утвержден на плоскости листа мощными контурами или энергичными акцентами черного. В офорте – излюбленной графической технике автора холодный голубоватый или охристый теплый тон цвета листа, на котором сделан оттиск, также играет важную роль в эмоциональном строе. Благодаря этому пейзажный мотив воспринимается то более четким, рельефно проступающим на плоскости листа, то сдержанным, сосредоточенным, погруженным в немного таинственную атмосферу.

В открытости к поиску новых решений, имеющей, однако, прочную основу в уверенном владении секретами графического мастерства, сказались уроки, полученные когда-то у замечательного петербургского живописца Анатолия Захариевича Давыдова. «Для меня Давыдов был и остается учителем, который помог мне войти в мир искусства и сформироваться как личности», – отмечает автор. В самом деле, для него особенно важным представляется само отношение наставника к призванию художника, которое стало мощным и плодотворным импульсом к обретению себя в обширном пространстве художественной традиции. Способность открывать и воплощать новое в отточенной выразительной форме получила надежную основу в уважительном отношении к обретениям предшественников, и, что особенно важно, к чисто профессиональной, технической стороне творческого процесса. Тем самым важнейшая для искусства проблема преемственности обретает в пространстве персональной выставки личностное измерение, когда индивидуальность мастера выступает не только самоценной величиной,

но и открывается взыскательному зрителю частью обширной и многоликой истории графического искусства. Андрей Бодров не мыслит своё творчество вне этой преемственности, что, в конечном счете, и предполагает высокий эстетический результат в осуществлении замысла. Работы разных лет, предложенные сейчас на суд зрителей – красноречивое тому подтверждение.

*Кандидат искусствоведения,
Научный сотрудник Русского музея
Руслан Бахтияров*